ЛК К84.09(=4УВ)
А37
К-51839

Ченгизхан айыпы

Продолжение отъезда

ПРОВ
2010

геннадий айги

продолжение отъезда

Дк.94

геннадий айги

собрание сочинений в семи томах

том седьмой

Л(К К84.09(=Чу
А37

геннадий айги
продолжение отъезда

Р

москва гилея 2009

Выражаем искреннюю благодарность
Германскому ПЕН-Центру,
Творческой программе ДААД (Германия),
Шведской Королевской Академии
и всем, кто принял участие в финансировании
настоящего издания

Составление Галины Айги
и Александра Макарова-Кроткова

Художник Андрей Бондаренко

На фронтисписе — портрет Геннадия Айги
работы Николая Дронникова

ISBN 978-5-87987-051-0
ISBN 978-5-87987-058-8

© Галина Айги, 2009
© Вступительная статья. Ольга Седакова, 2009
© Графика. Николай Дронников, 2009
© Оформление. Андрей Бондаренко, 2009

К-51839
Областная
библиотека
Челябинской области

оглавление

ольга седакова айги: отъезд 9

все дальше в снега (1986–1989) 21

продолжение отъезда (1991–2003) 77

последний отъезд 109

айги: отъезд

...Когда не снега и не рельсы, а музыка будет мерить пространство между нашими могилами.

"Отъезд", 1958. Снег, рельсы — все оказалось правильно, как часто бывает с поэтами. Геннадий Николаевич Айги теперь на родине. Места эти, как мы знаем из его стихов, зимой белые, бедные, глухие. Прекрасное завершение книги. "Теперь всегда снега".

Я вспоминаю конец этого, еще совсем раннего стихотворения Айги — и вот из его же начала:

Мы умрем, и останется

тоска людей

по еле чувствуемому следу

какой-то волны, ушедшей

из их снов, из их слуха,

из их усталости.

по следу того,
что когда-то называлось нами.

След какой-то волны — это, наверное, самое точное название общего образа стихов Айги, образа Айги вообще. Мне слышится в этом ряде слов инверсированное соединение двух пушкинских сравнений:

Что в имени тебе моем?

Оно умрет, как шум печальной

Волны, плеснувшей в берег дальной…

Оно на памятном листке

Оставит мертвый *след*, подобный…

У Пушкина речь идет об иноязычном имени. Тема иноязычия неотделима от Айги. Его русские слова — след волны, рожденной другим языком. Ближайшая догадка — родным чувашским, а дальше: бессловесным языком ландшафта, музыкальным языком интервалов и ритмических долей. Стихи почти без слов. И чем дальше — тем больше без

грамматики. Сравните с приведенными выше строками позднейшее:

И — состояние —
Цветка одинокого — розы:
Как неумелое: в несколько — будто — приемов
Объятье — младенца:
Без обнимаемого.

(“Вечер”, 1985)

Русский язык — временное пристанище этих стихов (кто скажет по-русски: “чувствуемый”, “обнимаемый”?): *этому следу* волны будет ничуть не хуже и в немецком, и во французском, и в итальянском — и далее везде. И везде теперь *останется тоска людей* по этому *следу какой-то волны*.

У нас мало кто представляет меру признания, меру востребованности Айги в мире: она огромна. Айги был звездой первой величины в современной мировой поэзии, о нем говорили как о живом классике, новом Малларме или новом Целане. Дело даже не в разнообразных наградах: он был, вероятно, самым читаемым поэтом современности. Его книги — на французском, английском, немецком, итальянском — я видела в руках, на книжных столах, в дорожных сумках читателей в самых разных местах Европы. У нас мало кто задумывается о самом существовании этого квалифицированного европейского читате-

ля поэзии, поскольку в массмедиа о человеке этого рода (вовсе не таком уж реликтовом) речь не идет, а к тому типу искусства, которое называют "актуальным", это племя или это сословие имеет мало отношения. "Актуальное искусство" существует в пространстве радикально публичном, а современные читатели поэзии — в области личного: личного вкуса, личной истории, своего дома, в котором не устраивают "хеппенингов" и "акций". Личного — не значит одинокого; в этой области есть семейный круг, есть дружеские круги, есть другие роды общности вкуса и привязанностей, в том числе и поэтических. Не стоит думать, что потоком "актуального" и массмедийного эта область целиком вымыта из европейской современной культуры. Она и обширна, и устойчива. Ее населяют не только "дореволюционные" (я имею в виду "культурную революцию" 1968 года) старики, но и совсем молодые люди — студенты, школьники. Я не назвала бы эту область "маргинальной" или "приватной": личная — это, вероятно, самое верное ее определение. Вот в этой-то области и нашлось место Айги.

Его друзьями и собеседниками стали самые серьезные художники, музыканты, поэты, мыслители современности (посмотрите на посвящения его стихов, посмотрите на работы и отзывы о нем). По существу, он стал первым прижизненным *мировым поэтом* русского языка. Его предшественники в этом — Мандельштам и Цветаева,

которых действительно повсюду *читают* (и не меньше, чем на родине), уже не слишком задумываясь о том, что это перевод, так же как читают прозу Достоевского, Чехова, Толстого... Как все больше теперь читают прозу Варлама Шаламова. Но со всеми названными авторами это произошло много позже их смерти. Вы скажете: а как же Бродский? В этой мировой библиотечке можно встретить Бродского-эссеиста, но мне не приходилось видеть читателя того рода, о котором я говорю, с книгой переводных стихов Бродского. Томики же Айги (на разных языках) мне показывали разные люди с такими словами: "Вот это теперь самое дорогое для меня". Все это трудно представимо в России, где Айги и издавался не слишком щедро (и в полиграфическом отношении совершенно неверно: в образ стихов Айги непременно входит и их зрительный облик, графическое решение, и, как воздух, необходимая этим словам большая белая пустота страницы), и читателей находил очень избирательно.

Как будто бы, вместо существа дела я говорю об успехе. Но этот странный, уникальный успех прямо относится к существу дела. Айги стал мировым поэтом, которого ждали, в котором была нужда. Именно *этого* недоставало в современной лирике, и его приняли с радостью. Никаких "стратегий успеха" или "раскруток" здесь не предпринималось — это знают все, кто знал Айги. Айги с самого начала писал то, что хотел, — и так, как хотел.

сокровенная песнь: “ничего мне не надо”,
да иного я тоже
ничего-то не знаю
только то еще поле…

(“Песенка для себя”, 1979)

Его темы и тон обнаружились рано. Переходя на прозу, он говорил на том же языке. В нашей словесности он стал наследником авангарда и модернизма (кстати, и сама эта тема — нищеты — не тема ли это Хлебникова, позднего Мандельштама, Арсения Тарковского?

И моя отрада

В том, что от людей

Ничего не надо

Нищете моей), —

и не только русского, но и европейского, французского по преимуществу. Таких наследников — с органическим даром высокого модерна — у нас немного: рядом с Айги я назвала бы лишь одно имя: Елизавета Мнацаканова. На Западе же, где язык модернизма вошел в привычку квалифицированного читателя, в Айги чувствовали другое: архаическую основу — часто заводя речь о его шаманской генеа-

логии. Я совсем не знаю чувашской традиции и не могу судить, в какой мере связан Айги с этим источником. Он, несомненно, хорошо знал свой фольклор и древнюю обрядность: я помню, как однажды в Вене он чудесно рассказывал мне об обрядах, сопровождающих у чувашей весеннюю пахоту и сев. Мне кажется, говорил он при этом не как совсем уж посторонний этим верованиям человек (что нужно делать, чтобы не повредить первым дням "беременности земли", — хранить молчание, ходить в белом, держать пост). Сравните его стихотворение 1985 года, из одной строки:

ПОЛЕ ВЕСНОЙ

там чудо покрывает ум

Легко предположить, что особая чувствительность Айги к природным вещам связана с совсем еще близким язычеством. Но она связана и с современным "моментом цивилизации", с обострившимся переживанием хрупкости и драгоценности живого, которое сразу опознается как крайне современный опыт. Ничего этнографичного, ничего стилизованного в поэтическом языке Айги мы не найдем. Это явно "язык после Хайдеггера", язык не имен, не слов, а слов о словах: вообще говоря, метаязык. Айги сам в интервью австрийскому журналисту сказал, что пишет он "на метаязыке". Да и общая мысль его — *след какой-то волны* — слишком ме-

тафизична, слишком бесплотна для архаического сознания. Ее составные: пространство, отсутствие, движение — категории новой европейской мысли. Айги никогда не брал на себя роли “экзотического” автора: этой, очень доходной вакансией современной глобальной культуры он никак не хотел воспользоваться. Из пространства малого языка, языка почти без истории письменности, Айги вышел — как будто минуя советскую и российскую дремучесть — непосредственно в мир планетарной цивилизации, в ее “здесь и теперь”. И это конфигурация также очень современная.

К сожалению, мы не можем оценить его огромных трудов для своего языка. Айги обеспечил чувашскую словесность шедеврами русской и европейской классики. Пастернак, рассказывают, был потрясен, выслушав переводы собственных стихов, выполненные Айги; однажды мне пришлось слушать его чтение на чувашском целановского “Псалма” — звучало это поразительно! Должна признаться, что в звучании его русских стихов я никогда не чувствовала такой силы.

Но вернемся к модерну и шаманизму. Это сближение на самом деле не странно. В обоих случаях важна одна вещь — то, что называют “измененным сознанием” или “пороговым состоянием”, родом транса, или экстаза, или сновидения наяву, которого всегда ищет высокий модерн — и путь к которому знает архаика. Этот особый миг, почти вневременную волну — или ее след, как мы не раз

говорили, — и записывал Айги. Примета его — распад привычных рациональных связей языка, иная форма высказывания, иные пути слова. Умолчания, пустоты, открытые формы… Эта стихия измененной, преображенной, деформированной речи (выбор эпитета зависит от интенции каждого отдельного автора) вообще природна поэзии, она разве что форсирована в модерне. И сложилось так, что на современной карте европейской поэзии — после ухода Пауля Целана — мы почти не найдем этой области. Филипп Жакоте, Ив Бонфуа… Почти и все. Почти вся эта воображаемая карта занята сатирой разного рода, социальной сатирой — и поэзией о невозможности поэзии. "Интересное общество, которое в форме искусства порождает исключительно сатиру на себя!" — выслушав очередную музыкальную новинку, заметил один из последних европейских "аристократов разума", философ фон Вригт.

Оказалось, что Айги пришел, чтобы ответить голоду современного читателя по высокой, серьезной, созерцательной, "таинственной" поэзии — и ответить при этом взыскательному позднему вкусу, который не переносит тривиальностей, пустой патетичности и слишком прямолинейных путей чувства и мысли. Который сосредоточен преимущественно на переживании "бесконечно малых" величин — в их соотнесенности с "бесконечно большими". Так, к примеру, выглядят многократно запечатленные Айги флоксы — или его вечная, самая глубокая, быть может, тема: поле (см. "Поле

К-61839
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

старинное", "Поле — Россия", "Воспоминание-Поле" и др.). Нищая поэтика Айги в совершенстве отвечала этим ожиданиям "нового созерцания". В совершенстве отвечала она им и своей метафизической неопределенностью, несвязанностью никакими конкретными религиозными доктринами. Не чувство иного мира — а лишь предчувствие или послечувствие его (*след волны*), догадка о нем или принятая неугадываемость его ("а не лучше ли вместе / Не догадаться?"), вопрос, не взывающий к ответу. Своего рода внеконфессиональная апофатика. Приглашение к медитации без фигур. "Почти как ветр".

Но эта нищая, негативная поэтика несла свое сообщение — постоянное и сильное. И новое в сравнение с классическим модерном и авангардом. Его смысл: бережность, жалость, любование, сострадание, поклон некоему целому, не различающему "великого" и "малого", скромность, почтительность, благодарность (книга "Пора благодарности"). Играл ли на этих струнах классический модерн? Айги сообщил ему новый тон, освободив этот строй от неизбежного для него катастрофизма, вызова, надрыва. Как это удалось? Просто, я думаю, — так просто, что стыдно и сказать. Айги был добрым и скромным человеком. В той же Вене, посетив музей Шуберта, он пришел в слезах и рассказывал, что не может успокоиться, увидев очки Шуберта на его прикроватном столике: Шуберт, просыпаясь, надевал очки, чтобы успеть записать музыку, которая только что ему приснилась.

Боль, катастрофа, страдание угадываются за его словами, да и в них (Айги очень исторически сознательный автор) — но все это покрывает некая благая тишина. Вызову, неисцелимой страсти Целана отвечает почти бессловесная колыбельная Айги:

она

пустым (ибо все уже отдано)

лицом: будто место безболья

высится — по-над полынью

("Последний овраг (Пауль Целан)", 1983)

По этой колыбельной и тосковал бессонный современный мир.

Айги интересно писал в одной из своих прозаических вещей об авангарде как о времени без сна. Со сновидениями, но без сна. Его поэзия знает сон — может быть, куда больше, чем сновидения. Сон, хвала безболью.

"О нашей современности принято думать более всего в связи с утратами и деградацией, — писал швейцарский читатель Айги художник Маркус Штеффен, — но у нас есть и некоторые приобретения. Никогда еще человек не различал так ясно всеобщей хрупкости мира и его всеобщей связности. И, тем самым, никогда не хотел в такой мере

избежать любого насилия — в виде действия, мысли, формы".

Этому новому опыту защиты и хранения как *места человека* — на месте прежнего бунта и страсти — отвечает поэзия Айги. Это если не вообще первый, то первый столь последовательный ответ "нашему положению".

Прощайте, Геннадий Николаевич! Спасибо Вам.

ольга седакова

|28 февраля 2006|

все дальше в снега

1986–1989

горя́ — во времени жатвы

[л. р.]

и углубляюсь я — в жатву: о этот
огонь — закалявший
терпенье отцов — как безвинность земли!—
и блистала страна Простотою
будто — звенела: в ее небеса восходили
смыслоназвания
Бедных Вещей — и прозрачность их
доброприсутствия
сердце ковала того кто умом отдаляясь
в пределы другие
ведал — о невозвращении
в этот очаг . . . . . — отзвенело давно
в безымянности обще-пространства
то завершение круга — отсутствием
свето-основы: сиянья отцов
запевавших плечами
как лицами неба и почвы! — и ныне
только молчание Слова

безликостью мира блистает . . . . . —
а было же просто: ведь даже
подобье шептанья несмело-
го
было — как личико-небо — повсюду глубокое
родное — без края

|1984|

одиноко — в ветр

[а. т.]

есть тайна отчужденья — и
начала не-любви —

(.....) —

любовь? — ты ею — *жил*
(и просто — не отгадывая
был — в свете: принимая — свет) —

...а здесь — не разгадать... — уже все
было кончено:

как будто — без тебя... и даже
быть может (сон какой-то) — без другого! —

конец — ударил эхом
(звук — пропущен):

...лишь грусть — "сегодня"... — бывшее —
случившееся:

боль — тоже отраженье
(сзади — тьма:

неведомая... — на то и с *чьим-то* смыслом) —

и “тайна” — тоже сон... хотя — и твой
но будто
прошедший — суть свою укрыв! —

поняв (“дошло”) — здесь не за что и браться:

и: день в огне: молчащий — тот же — округ
пустой — незримой твердости: “ни с чем” —

а есть — он рядом — (ближе тех что рядом) —

почти “участливый” — огнем-нашептываньем:

и стойко-яркий — разрушенья свет! —

в сознании беды — как в гуле постоянном... —

(впервые ты узнал: то ярче — что мертвит:

когда-то вспомнишь: кухню — коридор
и детскую — и вспомнишь
в каком был свете — шаг твой каждый) —

— что ж — скоро вздрогнет он: незряче-все-
пронизывающим —

(все выявив) — виденьем циклопическим! —

...а ты уже просмотрен... есть такая
пустая твердость — взглядов:

“дал Бог” — узнал ты мнимость сил таких:

на что — в игре без памяти? и с чем? —

и этот оборотень-свет... — он
лже-катастрофичен:

(все было раньше — “вещью” что “в себе”) —

еще немного — боль... и вот как раз с *немногим*
всего трудней (и будто — соответствуя
и сам ты жив — немного: чем-то скудным —

как будто неким делом мертвым:

как быть — как соответствовать — что делать —

чтоб было: что уже
и *такового* нет)

|1984|

в спокойствии августа

выздоровление:

между ключицей и шеей
таится — как будто живым существом
                незнакомым
наивное и золотое
людское молчанье —

зреет для памяти:

до сих пор еще не было слова! — и вот —
                будто веяньем входит
в полу-пустое свечение:

молитвой пока непонятной —

(как для ребенка)

|1984|

другая дорога в поле

умеешь ли —

взглянуть на дорогое
лицо покойного и вдруг забыть? —

мгновение такое было — и:

свобода:

— давно ты будто небо так давно:

о это
очищения
о поле:

спокойного и ровного! —

и воздух — детскостью-Одно-сияет:

— что нет себя — то счастье: мира ветер! —

отброшен легкостью — давно ненужно-легок:

забыл... — и небом и землею всею:

сиять — включая:

слабейшую на воле — зыбь

|1985|

маки этого года

а не молчание а просто вроде
когда грустим мы отвечанья:
“не мы спасаем не красота спасет
во всяком случае не наша не похожая
мы дети — можно обижать — такие
что можете войти — пройти вы как угодно
мы не задерживаем прекрасны мы по-своему
но слабые — лишь одеяние невидимого
как срока некоего
а ты ищи ты излеченья там
чего не знаем
— пройдя ли через нас? мы просто кротость
вы — сила действенная мы цветем
лишь от прикосновения
другой неспешной благосклонной силы
и это тоже лишь часы и дни
как соловей поет
дитя
не зная двигающей мощи
а отцветают так — и отцветем
как пенья нет — а сила неподвижна
проверкой” а не веянье а вроде
грусть — в слабых спотыканьях: так над полем
туманятся — подобья

|1985|

отдаляющиеся леса: вариация

Иногда фортепьянно они громоздились, — вырывалось сонатоподобие — изуродованное концертностью веток.

|1985|

снега-засматриваясь

а как же
ви́дение
входит
когда
давно уж спит
как будто
лоб
— два глаза — сон один
рука
записывая еле
Лета

|1985|

леса — вспять

в тумане
сияния родины
островами остались жемчугами остались
леса до которых
я никогда не добрался —

— детское что-то я помню: то ль плечики в них
выступали — белели наклонно к полям
то ли жалобой
вдруг — расслаблялось движенье: скорее
в печали
чем зримое — там на опушке
недостижимой —

(были такие — я видел столь близко
а скоро
был только лишь ветер —

легко я — как в ветре — учился
легко понимать что уже не вернуться) —

в свете долин-перекрестков
казалось — что дети средь трав просыпались
и пенье искало слова — где-то рядом
будто
оттуда казалось —

в тумане сияния мира
жемчугами остались островами остались:

больнее чем в жизни — сиять

|1985|

сон-распад

а спящая она не просыпаясь
стреляет — головами и руками
своих обрывков — в виде сыновей:

о сон — распад — раскалыванье:

на числа мертвых... —

и ей — огромной — с лоном дремлющим
есть время долгое — не просыпаться:

— я в нем сотрусь — другой возникнет: длить! —

а шевеленья музыка огромна:

а зреет вдаль и вширь а подготавливается
ее пустою мощью
сверхсильное в дурмане место:

(из я-обломков — тишина) —

где будет — нечему очнуться

|1985|

выходя из оврага

[иштвану саболчу]

а слева — нищенская — своя же рука —
как младенческое
евангелие: о блистание — ни для кого:

малости — окольно-живого! —

и бродячим — безразличным евангелием
берет — овевает —
ласкаясь по-детски — лаская:

сердечнейший ветер сердечнейший:

величием Счастья безлюдности! —

о милосердие...

|1985|

и: место — давнего знака

а то что однажды
мелькнуло — как будто виденьем:

— при свете закатном
кланяющейся головы красота —

(добром ли творилась творила ль добро) —

остается — сиять:

там — где когда-то народ
был — полем а место:

головы-излучения:

— серединою миропространства! —

(прозрачного душами — будто единым:

ветром — особым) —

о — продолжаясь:

(давно уже нет никому даже веянья дара —
и видеть и помнить) —

в мире (да хоть отмененном) средь
Поля-России:

кланяющейся головы красота

|1985|

в ветр — не называя

...а напиши мне об инее...
Из давнего разговора

Если мы думаем о чем-нибудь
часто, оно становится постепенно
воспоминанием о воспоминании.
Г. К. Ч.

“иней” ты шепчешь... а дальше закат
и движения города... —

и все что ни вижу
с тобой — как начало
для зрения — будто сквозь некую веху
прозрачную:

и в прошлом
и в будущем —

словно — в мгновенье едином... —

и ты и во всем и побольше! —

сквозь флоксы сквозь слезы-сиянье детей
сквозь давние свето-поля и сквозь боль
и страдания:

будто корнями лучей отовсюду
свободное
Солнце Любви! —

(мгновенье — и гул — только бездна
отсутствия: гул затихает —
отмена одной всеохватности светлой
всплывает такою же тьмою безвидной) —

и только шепчу я единое словомерцание —

неразделимое *(было таким — и еще —*
затихая — как чей-то — оставшийся —
ветр-доживание — чем-то
безличным пребудет):

"о-Счастье-о-Друг-мой-Аминь" —

(как в инее — свет предвечерний)

|1985–1986|

листки — в ветер праздника
(к столетию велимира хлебникова)

1.

синью души велимировой
режут младенчески-чистые
звуком безвинным “дорози”
это и голос ребенка и мудрый
крестьянина взгляд! — и дороги
в Поле-России едином
в одно собираясь одним и расходятся:
обликом где-то давно велимировым!
я тоже немного лицо! временами
будто — из боли почти уже мусоргсковой!
и режут — как лечат — тоску по молчащим
полям
в дорогах лица наклоненного — в эту минуту
синью подспудной — “дорози”

2.

костер как восклицанье Хлебникова

3.

раненный хлебниковскими “сонными пулями”
вздрагиваю — будто просматриваясь

из углов — создаваемых самотолчками
оползней сна! — озаряясь
белизной — прерываемой множеством
душеподобий из глуби забвения
зорких — без лиц

4.
а звезды
там
чисты (и вечными будут
если
Время отменится) чисты
бесчисленны и одиноки — и это
глаза Велимира
Последнего
Первого

5.
“срубы я ставил” ты сам говорил
о стихотворные
срубы из бревен метафор сияюще-твердых
со звоном просторно-природным
как воздух — во время страды!
чистое “рабочее” дерево
более чем девяностопроцентное

в котором трухи обязательных “поэтизмов”
нет — как роскоши нет
в хозяйстве крестьянском

6.
а светится душа голубоглазая
из сети призрачных “законов времени”
и все яснее лик: все ближе и прозрачней
любивший колос как ребенка

7.
раненный хлебниковскими “сонными пулями”
договариваю — вздрагивая
окраинами и разрушенными центрами
видящего сна и не видящего
сна-расползаясь-меня
а операция — разбудить
29-го в 9
у́тра московско-окраинного

|23–29 сентября 1985|

снова: появление синицы

[е. эпштейну]

это черно-зеленое
облако силы безвинной
я не однажды под небом будил —

снова как в давние годы
сжалось оно в эту птицу — в доверчиво-робкое
вздрагиванье
цветка — принесенного ветром и снегом:

грусть расширяя
в дом и в окраину города —

стуком в окно расцветание было:

в шуме прихода друзей сохраняясь
минуту-другую —

(я говор их слушал
как будто
светлее и радостней спал)

|1985|

поле весной

там чудо покрывает ум

|1985|

вечер

И — состояние
цветка одинокого — розы:
как неумелое: в несколько — будто — приемов
объятье — младенца:
без обнимаемого.

|1985|

песенка для друга

[л. данильцеву]

грустно — и будто так слабо
и это понятно
даже и не объяснить
и только (вдруг вспомнив что очень уж издавна)
не прерывая как некое дело молчать
это не стоны ломания двери не крик
            из безкостного дна человечьего! друг
            (или еле-движение друга)
грустное-просто — сильнее беды:
            ибо нет оставленья! —
            и так без забвенья понятно
точно как то что “живем-поживаем”! — и это
лишь ветр за окном: постоянно —
            как брошенный дух — слабосильный
и очень уж даже
простой

|1985|

сон: формы арпа*

а вздрогнула
сна белизна — от движения
сил без названий и вида —

— а где-то росли и шумели
яблоко солнце и голубь —

а потом бесконечное утро
в поле без города и без лесов
горело фигурами внутренними —

сил — продолжавшихся
в свете дневном

|1985|

* Написано по просьбе Общества друзей Ганса Арпа (1887–1966) для сборника, посвященного столетию со дня рождения художника.

продолжение-гул

все — гул беды!
как быть — чтоб переждать? —

молись иль не молись — но так или иначе
дай Бог (или сама твоя усталость) —

хоть кто — хоть что — да хоть в какую бездну
проваливая! — дай
укрытым в промежутках быть —

притихшестью твоею собственной!.. —

хоть скоро вздрогнешь — более разрушенным —

(еще сегодня же... — не раз)

|1986|

вдруг — от флоксов

[г. к.]

а как прозрачной осенью
довеивают флоксы до дыханья
ты так — внезапно — вспоминаешься:

— и говорю ума я говорю
не приложить какая же причина
а разве чистое во мне не может произвольно
тоскою веять говорю —

а все прошло поля такие я оставил
еще такие тропы я без взгляда
не раз и это не слова а помню
обрывок в поле как ладонь
я повторяю сельско-полевую
родную — будто я скользнул
судьбой как взглядом —

— потом была дорога не вернуться —

оставить думал я могу
тебя в сознанье чем-то вроде этого
я силу не учел
простой же чистоты! —

— что глубже сна раздумий —

я вспоминал
да чтобы перестать
и чтоб забыть казалось —

— а свет той детскости — теперь! —

“я стар” звучит людское поле в мире
и вижу розовой как гор
скольженья я такою вижу
разъеденность струи “я слаб как преступленье”
среди старений мира —

а там столь многое громоздкость думал я
не знал что светлыми
увидеть грянет
струя когда я слабостью
во силе буду выбран —

— как будто знал до снов в подобье
родниковом —

сказали бы что слухом не учен
как тот что лишь ладонью
проводит представленье “свет” и “детскость”
других не иная взмахов
сказали бы — махнув
не пролистав две-три свободою светящихся
из жизни — спрятавшейся руслом:

— “а белизна” — все тем же повтореньем! —

в распад земли сентябрьской
вдруг перекинулась
и что средь родников осенних звезд
мне можно говорю мне думаньем
моим тяжелая луна
сырая
учит

быть в цельности разъединений
гореньем швов
о терпеливого же мира! —

— а сила — вдруг:

(дитя — лицо — давно
лицо — бывает же — открытою
душою — было — да
возможно центром
я забыл) —

как рассекает ангельской тропою
меня — до юного! и в древнем поле мира
я думаю что да — всегда
обманно-во́зрастном —

горит идеей некою — слеза

|1986|

деревня

Если это сон, то он, должно быть,
объял целый мир.

Иво Андрич

во тьме снегов ты будто много раны! —

и в поезде я бездна — черен
и один
а ты деревня ты — горя в уме — изъяны
там — у себя — багровые:
в затылок — льды
далеких частоколов: ты мельканьем
горя́ — я в тамбуре — а ты в снегу —

и спотыкания мои
в уме туманном — из провисших льдин —

как будто руки-костыли
с похожими — одежды
кусками: утешенье — лед:

— “нет ничего” теперь мое —
давно страны бескрайность! —

(однажды был
мной проще похоронен
всего простого
дитя болящее с названием народ) —

для мелочей поля и лунная
дыра — как волга неба — течь
для будто в небе мелочей:

— чтоб завершиться прочестью ума! —

виденье — поле и ничтожна
давно мне никакая тьма

|1986|

все дальше в снега

[после гибели т. х. (или — “памяти ангела”)]

Бываешь — Прям?
ну что же —

опять я — зная всю никчемность
упоминаю Силу — словом:

— все ту же нечтость Глыбы-Анонима
верней — Аморфности-да-Анонима-тьму! —

(итак — подбрасываются нам —
к р у ш е н ь я!.. —

движенье-аноним: руками смертных
столь мощно Рушит — “не мытьем
так катаньем”:

поверишь — Не-при-я-ти-ем!..) —

Содержится ль — как “что-то” — в прахе?
мы — средь останков: “как-то” там
не просто... не одни останки... —

(быть может — и движений нет...) —

. . . . . —

пора — на пробу:
выпадом
разрывом! —

я — заскорузл — из давней глуби нов
забытой мною прямотой:

— я сплю — давно *духовным сном*
а снег
работает в полях — в ложбинах —
как крестьянин
(скромней поэта истинный поэт)
и просыпаюсь — воплощеньем
какой-то новой тишины — без просьб
держащейся как в прахе воздух —

когда уже не страшны и возмездья
которыми лже-небеса безцентровые
свисают в снах из бедных сил!.. —

не говорю "я так живу" — движенье-жизнь
моя слабей желаний-ходьб:

— и где-то только суета Пост-Фактум
перетворцов — все тех же переделателей
все той же Призрака-Страны —

а пустота — такая вот огромность
моя — пустая: Право Равнодушия —

(не людям ложь! — самоотмена слова) —

и все же — завершеньем — вею:

я — осыпаюсь: будто в мире су-ще-ству-ю-щем
все ту же нечтость тьмы-и-анонима
“господней” — *по привычке* — именуя
в видениях без боли сотрясаю
отвалами моими и паденьями:

как черноту безвидности-безмира! —

а бездна никакая — а удары
из ни-ка-кой-то-сти! и с чем — разрыв? —

когда во всем — безместно — но во всем
лишь безымянность и отсутствие —

и для того — чтоб более я был?.. —

теперь уже и этого не нужно:

(а что Е м у - Ч е м у — да впрочем
что и мне...) —

и меньшим дрогну я — чтоб завершиться
большим:

пора самоотменою оставить
то что казалось (или было) лучшим —

(да будет это — проблеском последним):

Что-Светло-Даже-То-Что-Мне-Уже-
Не-Веровать! —

(уйдя — давно уже — в снега)

|1986–1987|

придорожная песенка

это лишь мокрые ветви в тумане а
называю я горем
и придорожною грустью из жизни забытой
мелькаю вдоль рельс
где беспокойно алеет-белеет все та же
крестьянка с корзинкой
в поле тоски — словно двинулась кровь
тем же самым закатом
чтобы втянуть и меня да в спасенье вобрать
(а такие цветенья мы знаем)
значит исчезнуть пора — повторяться нам
больше не следует
значит (а кровь заливает) такая простая —
да вот для свободы
вселенски-молчащего мира
и без того уже пусто-свободного
здесь среди нищенских веток
будто ничья — напоследок — пора

|29 июля 1987|
67-й км под Петербургом

снова:
воздух в вершинах — берез

светлее:

свобода:

(давно)

|1987|

две песенки для нас с тобой

1.
что же ныне — утешенье? —

песни скудость — сердца сжатость
и “нездешность” и никчемность! —

в этой мерзлой нищете
веток — стойко-безучастных
по-цыгански засыпая —

бедность — в ветре

2.
мы немного средь тех кто беднее беды
кто не больше того что чуть-чуть
вот и ладим вполне: кто С концами Концы
кто давно Отворяй Ворота

|1986–1987|

теперь и такая

ты — образ покоя действительно полного
без смутно-опасного где-то за этим
спокойствием
и вольная — чуть сиротлива
Россия-река..... — а потом — постепенно —
в тебе замерцает
иная прекрасная — то что зовем мы красою
извечною и совершенством
и повторять красота и шептать это к месту! —
о чистая долгой покинутостью
все более тихой: как будто в труде постоянном! —
давно это было — уже и не помним
словно над многими душами
где-то в стране — после нас — затихать
продолжающая
немного и небо-река

|1987|
д. Денисова Горка Тверской области

ужин: дом за городом

[м. геллеру]

1.

даже сахар шуршит: “а ты помнишь а помнишь как пришли забирать — как зарею пришли” — хоть беда-то теперь уж другая — да и дума теперь не о том

2.

кто-то “я” говорил кто-то “хлеб” прошептал: “это сон-и-семья” — грохотало мельканием в пении дальнем: я склонялся-твердел — будто жарким столпом где-то рос средь других в старом празднике-поле: чтоб из гула идущих отбросить себя... —

— а потом обозначилась линия —
кровью! —

и тогда я увидел — из скрытого гула другого: народо-терпенья — из глуби забытой в мозгу

запылавшего — а может быть в памяти тела-
как-почвы: чтоб втайне забыть — я увидел
детей (и с зарею смешалось “я-сон-и-семья”:
будто пение — светом! — височною раной —
как ртом)

3.

“как пошли вы потом” — продолжает шуршать
эта тихая вещь — “как вы шли через рощу
потом”

|1988|

к разговору на расстоянии

[николе вуйчичу]

1.
и говорит не тот кто Словом не бывал
а тот хождения которого
как пребывание идеи-хлеба в мире
она проста такою Простотой
что больше говорим — кружа вокруг
молчаньем
и иссякая дополняема
от веянья людских небес средь судеб
и дар-как-хлеб — трудящееся Слово
в вас золотится входит
(горя́ — единство безотчетно)

2.
и веруя пребуду я как хлеб
как пища — вся даруемо-раскрытая
для неба этого с его умом
столь мощным что меняется лишь силами
без сдвига оставаясь неизменным
(я силой был средь сил я знаю то что знаю
и отдавал себя как высший дар — свобода
бывает — лишь свободой)

|1985–1988|

дом — в роще мира

[посвящение — девочке александре]

дом — или мир
где я в погреб спускался
белый был день — и я
за молоком — это долго держалось
спускаясь со мной: это был
день — как река: наплывающего
расширения света
в мир перекидываясь: я
события был — творцом
в возрасте
первотворений —

— в погреб — давно — это просто
и длительно было —

роща белела в тумане
а этот
с кринкой ребенок — глаза ведь
вселенною были — и небо
пело всей ширью — как пенье особое
в мире распластывают
женщины — просто лучась переходом

своей белизны — в расширение поля
где голосом я начинался —

быть — вселенной-ребенком:

был — ибо пелось и было

|1987|

круг

[атнеру хузангаю]

время — одно — лишь одно: говорить о простом
повторяясь пылающим кругом! —

и как будто восходит заря — расширяя
крестьянские празднества
и вытягивая — до садовых вершин
блекло-алую намять о платьях —
давно отшуршавших:

свет — все алее — из далей забвенья! —

о зори — закаты — о годы-сиянья —
сиянья-века! —
как знамена-и-знаменья:

Целомудрия — Верности — Силы! —

а теперь уже — долго-далекого плача:

по народо-корням-человекам! — и ответно
сияют сыновье-и-отче-сиянья

во-Родине — будто на дереве-вещи —
на хлебе-мерцании центра! —
и в зареве — в заревах
почво-горенья от рук:

снова — страда пониманья: восходят-плывут
по-над полем
кони-движенья все ярче как раны —

вещь из соломы поет на весь мир — и повозка
в луну углубляется! вечностью

золото мозга пылает —

(где-то возводится сруб
и общаются звонкостью звона
братски-понятные бревна — со смыслогорением
в гулких от счастья плечах) —

золото мозга пылает
здесь — среди букв: как в волненье дыханья —
отцовско-сыновьего: властью
и трепетом свежим:

в мире — живого-меня! —

знаю — что даже прощаться придут —
словно с даром последним —
с вещами-строгать: с породненным
железом священно-привычным
для резанья грустно-родного —

сразу же — здесь — отсиять заставляя
древоодежду мою — до братанья: с Землею

|1989|

стихи об отсутствии

[троелсу андерсену]

I.
как в детстве сердцем знаем волны в озере
так беспокойны тьма и синь
в глазах во сне тобой руками трогаемых
где пальцы — вспомнишь — как в лесу
как будто мысляще-тихи-и-одиноки
(но снова
пробуждаясь
день будто и не силится
глядящим быть чуть-чуть)

2.
и светел золотистый сон прожилок
открытого лица
но так рябит!.. — как будто там за ним
таится некий камень драгоценный
с отливом сине-роковым:
готовый к взрыву!.. — плечи подготовившиеся
им — к горю твоему — освещены

3.
глазам закрывшимся поля-иконы

4.
и “здесь” — нигде
и “там”!.. и в этом — пребыванье
движеньями застывшего отсутствия:
глубины там такие — от которых
без очертаний — плечи тают!.. — так
нигде и здесь с беззвучием и с шепотом
(такая “вечность” — стойко удаляться
не уходя... секунды каплют в музыке
отстаивая неподвижность)

5.
а голос... он — все тот же дар: сияющий
“все так же не другие” — где-то в нем
за дальнею дорогой то же зарево
деревья продвигая
дробит их тени — и средь них себя! —
как будто — сон в душе: чужой и незнакомой
к тебе из разных мест

6.
то было: сад-твоих-молитв

|1989|

в ожидании друга

[вольфгангу казаку]

братья на кухне ночами одни только вещи
                на кухне
такие — как знаем не видя родных:
о долгий покой — это бедность как будто
                ничья в пребывании в мире
этой вот утвари чуть-для-чего-то... —
                итак оставляя нам радость
                столь полную малостью
как на поляне средь давних деревьев
будто светящийся свет чуть-себя-превышая-
                поддерживает
теплым и близким пред-молвием:
— братья на кухне добрая жизнь

|1989|

продолжение отъезда

1991–2003

долго: в шорохи-и-шуршания

[снова — памяти пауля целана]

Шорохи, шуршания. Будто — пробивается ветер в холодную кладовую и сыплется где-то мука. Или — вздрагивает солома на покинутом всеми дворе. Шуршание, — становление какой-то страны.

“Быть — мышью”, говорил *тот* поэт*. Быть — мышью. Головокружительно. Рябь. Потом говорили, что яд. Полу-поляк. По-о-лу... Словно за шорохом одежды — порез. Из бойни. И запрятанная в шуршании — кровь. Хотя бы — человеко-одежда. Едино, едино, — с жидкостями мук.

А, ре-бе, ты из всего — *такого* и *эдакого* — был столь однороден, — грязь, порванная книга и кровь, — о, почти что Прозрачность, — зимний уличный танец, дырявый зипун, человеко-сугробы (всюду, ведь, нищенский пот, — даже в соломе: там — на ветру, и в рассыпанной горстке муки).

Жизнь, ребе.

* Польский поэт Александер Ват (1900–1967).

А потом, — здесь. Это лицо... — всеобъемлющее. Словно ходишь по городу, и всюду — "мое", каждый угол. Головокружительно. Потом — рябь. Ну, хотя бы вот, — сад (все это — лицо и в лице): выплеснулся — недостижимостью. Прянул обратно, боль — как от стекла. И — *не втис-нешь-ся*. "Сад — как сад". Будто — модный мотив. Без дна. И — рядом.

И как же такое происходит в голосе: прячется какое-то дно. И разве разговариваем — словами? Ветер. Без дна. Не назовешь даже — знаками.

А этот, из Венгрии*. Просто — братская могила и все. Вырыли — *со всеми вместе* (ведь это же самое важное) — в свет Дня, и прямо — вот, Родина. Решение вопроса. *Со всеми вместе* (это самое важное).

"Бог" — неверное выражение. Есть только: "А Бог?" Во веки веков.

Потом — эти поездки. Ка-тань-я. За премиями. Речи. Все правильно. Во славу. И все — будто: во-воздухе! И будто по небу гу-ля-ет: боль-язык, — одиноко, — для неба. Пусто. Подохнешь, — сожмешься — лишь болью. Язык? — Ветер Вселенной.

* *А этот, из Венгрии* — поэт Миклош Радноти (1909–1944).

О, как все просто. Это — такое “просто”, что на языке — не будет. (Можно попытаться. Сразу выступит — вещь. “Простое”, — такая Свобода, — сравним: ум ввел распад.)

Рябь. Просто, головокружительно.

О, шорохи, одежда моя. Солома. Му-у-сор. О, шуршание, кожа моя. Я-родина, я-такая-одежда-и-плоть. С шорохом-кожей.

Рябь.

Да никто не кричит, То-есть. Не я же. “Я” — липко. Есть что-то другое (за — шорохом. За этим шуршанием).

И в воде гуляет зрение этого француза. Па-а-даль. Что это, — суть? — одеяние? Е-динство.

Забудь. О, когда же. Забудь. И — начинается чистота.

И.

Рябь. Со всею грязью — мук.

Без — всплытия.

Не-*Baptême*.

Не-е.

|1991|

давнее рисование

[н. дронникову]

...первый след карандаша.
А. Твардовский

спичка шептаться могла — и свеча
Миром была принимая в себя —
и казалось что крохи
в сумерках утешающе-теплились хлеба
светом — в сердца исходящим
(...а почему бы и нет?..) — и рука
тишиной отягчалась
все более “зримой”:
глаз
будто в родник... — припадая... —
(следы начинались
зернистые
первые
скользя — как в гору!
— ...шорох — Его разговор... — через нас
здесь: с Миром)

|1992|

флоксы ночью в берлине

[г. а.]

как будто с головы
незримо силы падают!
и в том бессилии “душою” называемом
поют-кричат деревни-и-туманы
где солнца как живые
грустны — огромны — далеки! —
средь их лоскутьев
(так — куст: как будто на отшибе Родины:
“родной” не назову:
дрожит)

|1992|

три семистишия

1.

мне эта сырость — за дорогой — слева
достаточна... чтоб возрождаясь в травах
сквозить и шириться — все далее навстречу
иным шуршаниям... и только грусть
бескрайняя
меня — во тьме — дробит: туманом-мною
свободно мокнуть — шелестя все глубже
бездонным — леса — краем

2.

а был — пребыл — лишь только отголоском
шуршаньем — светом — говором и пеньем
простой и ровно-неизменной бедности:
— путей земли — простых небес и ветра! —
безотносительной... — она сама звучала
как свет осенний и как детский лик!
была — как поле: Богу

3.

и будет отнято — лишь острым светом звезд
и оком ночи... ибо так — дыханье
лишь океаном мира
в прибое — бьется... об ином — не просим:
ветр — небо — свет! — и тонет
поклон мой — праху-пению (сквозит
з а р е й п р о щ а н ь я
Religio-Народ и Слово-Сирость)

|1992|
Берлин

два эпилога

1.
чистота тропинки
простота воды —

и такое небо — будто снится
этой выси — никому неведомая
очень — даже очень уж — другая
бедность ясная Земли —

в нас немного говорящей:

“пока мы в мире есть
дым — в трубах изб — играет”*

2.
что-то тускло-белое больничное
в поле двигало скольжения
— дай нам Бог лечиться этой тишиной —
и дорога за окном как за воротами
угасала все сырее и грустнее
“вот и весь” шепталось будто “путь земной”

|1993–1994|
Денисова Горка

* Эти процитированные слова, по свидетельству крупнейшего чувашского поэта Васьлея Митты (1908–1957), напевал его отец, малограмотный крестьянин Ягур Митта.

сад — грусть

это
(быть может)
ветер
клонит — такое легкое
(для смерти)
сердце

|1994|

ловля лета

вдруг:

(долгое “что-то” из множества “вдруг”) —

сад — как видение: яркий как кварц!
драгоценность дорожная —

искры — из сада по окнам — туманней
в глубинах
по переулку телега светла
выше — лишь ветер где птицы и флаги! —

призрачен мост — не встревожена пыль —
и бревно горячо
и обходит река
два отдаленных тенистых села —

и вечереет... —

(и скрыто как сердце)

|1995, август|
Мордовия, проездом

отклик на книгу друга

[а. макарову-кроткову]

здесь
фигурация улыбки — словно заранее
попросившая прощение
молчание — будто присутствие рядом
запрятавшейся птицы — когда
притихаем и сами
(звук — знак об утрате)
когда
“простенькое” слово (например “будильник”)
вдруг создает
лес — не-людской... и движение
поликушки-человека
по грустно-современному Русскому Полю

|1995|

во время болезни друга

[к живописи леонарда данильцева]

будто приснился Бог — и вот вспоминается
складываясь в забытое Ви́денье (то распадаясь
то вновь начинаясь)
из снега на давних холмах и дорогах
из детских одежд-говорений
из лиц зверей из улыбки-и-плача — рядом —
у порога друзей:
вас — дорогих: о, живопись, жизнь,
Недавнее-Невыразимое
(прекрасное как обед бедняков)

|1996|

поля этого лета

[а. х.]

даже и здесь
время как будто подрагивает — вновь обновляя
эти прощанья-поля —

(как народопрощанья) —

то длятся как зыбкая темень
(чем-то все более
ранее — детства) —

то — спотыкаясь душевной неровностью
будишь в травах — как в памяти
чью-то ушедшесть —

(и травы выплескивают
последние говорения) —

и шорох — скрипение (где-то там роет
некто подземный... нет: это ближе:
"это
сердце стареет") —

и потом — будто только что
открыли окно
на тропинку —

и облака над травами
делают вселенную... —

будто
двигаются — воздвигаются!
словно все это
Строит-Распевает — подталкивающее Стройное
где-то
Дыхание —

и завершающее — так чтоб и нам притихать:
"далеко" — это только негромкое звучание
о родине дальней... (о да: как гимн...)
и это
сразу
давно

|1997|

из строк во сне

и левою частью лица
косясь
честно и прямо
бледность — во сне — Шостаковича
жертвенностью — как треснувшей глиной
кричащая —

как будто — другу

|17 апреля 1998 (к утру)|

день — к вечеру

И они выплывают и устанавливаются,
учреждаются — эти Стога
конца — очередного
Тысячелетия (...условность мгновения...) —
и Закатного Солнца
великолепие
стойко — пока — пребывает — и вскоре
бессмертная
Дороги Печать
въявь утверждается — зримо-и-медленно:
вечно — на окраине леса — Сиять.

|1998|

начиная с поля

весь день — повторение ветром
себя самого
с края — соседнего поля:

зримо — легко — широко! —

а здесь — средь крестьянских
строений
его спотыкания
все глуше — как встреча
с “Кем-то” — души! —

без явности — без разделенности

|1999–2000|

давнее

И в поле
плакали снопы — со влажными
и золотыми спинами —

склонившись над стеной
несжатой части ржи... —

светало
без перемены плача этого... —

был ровен — Мир.

|2000|

посреди поля

а там
прощаются дороги — дороги прощаются:
вскидываются — оказываясь
в прошлом (невыразимо-родном)
в будущем (будто грызущем
в чем-то “своем” да укрыто-враждебном
жизнь
кричащую жизнь)

|2001|

снова: дорогое немногое

последним примет лес в воспоминаньях:
уронит — даст мне пятна мокрые
чтоб я с руками повозился как с вещами —

и будет: на такого смотрит
разрозненная родина (весь “край”) —

несказанным продержится “прощай”
и всем пыланьем зелени тогда меня затопит —

и поле без меня тогда раскроется
чуть-чуть грустнее искриться в сияньях —

(так завершится — “был”)

|2001|

народ что храм

И души что свечи, зажигающиеся друг от друга.

|6 января 2002|
сочельник, с. Ромашково

к “книге долгого прощания”

это братья мои ходят сквозь солнечный свет
и “Господи” говорят стены и поля поют
и дубы теплы — будто в них
вещество благодарности
слышно как речь

да только вода уже рядом не имеет волн
и без свойства общения — травы
братья проходят мелькая по ведомству
неотменимых
и мне в эту цепь не вскочить

|3–4 мая 2002|
Денисова Горка, лес

завершение поля

[л. ю.]

а там за мостом
завершающе-дальнее —

просто — “душа”! — будто что-то имея от нас
внутренне-зрящее —

вновь шевелящееся — памятью
от давних
флоксов... —

а временами — как будто
чем-то и ранее детства! —

и в нем (издалёка и издавна)
есть тихая та — умирающая
всегда
недавно

|2002|

все то же прощание

[а. с.]

поля
входят
в дверь —

и руки его как пылающая надпись
там на коленях:

“я — прекращаю — движения” —

(и дождь во дворе — все шире — все более
наискось
словно
отсюда
уносит его
к морю неведомому —

и холод — холод и дрожь!..) —

и душа будто бездна все это проглатывает —

ведь
я тоже
горю
моим завершением —

будто в потрескивании
этого общения
шепот — братский — читая:

о Боже! какое
горящее Единство! —

выход
(дыханием) —

только — в поля

|2002|

страница

И включается осени торжественное звучание:
органное сияние — подсолнухов.

|27 августа 2002|

Денисова Горка

внезапное воспоминание

собака бегущая сквозь рожь
будто при криках
всего — внезапного — детства
при
спускающемся солнце

|2001|

без названия

И человек идет по полю
как Голос и как Дыхание
среди деревьев, как будто ожидающих
впервые свои Имена.

|2003|

поле — без нас

дорога все ближе поблескивает: будто поет
и смеется!
легка — хоть и полная — тайн
словно все более светится светом ее
Бог — долго-внезапный!.. — о пусть
не споткнется — и пусть доберется
до брошенной деревушки!
ласточки реют — светясь
словно воздушная — все ближе над полем
веет — теперь уже чем-то “домашняя”
дорога — как шепот!
как чье-то дыхание
в дверь

|март 2003|

снова — в снега

а вы запеваете — а я удаляюсь
постепенно в снега (как когда-то: фигурою
темнеющей в сумерках
где-то все дальше) и сломанная доска выступает
там — средь развалин
в брошенной хижине (пели шептались
потом
плакали очень давно — а оказывается
для
счастья немало) и далее лес
словно
во сне
открывается — и вы запеваете
(хотя — и не надо бы
ибо ведь все уже кончено)
вы продолжаете
(а ведь и без нас глубоко уже зреет
золотом поблескивая
вечность)
вы продолжаете
все приглушеннее
петь

|2003|
Денисова Горка

последний отъезд

Валленберг в Будапеште: 1988

от автора

Впервые выпущенный за границу, лето 1988 года я провел в Будапеште.

Я давно интересовался выдающимся венгерским ваятелем Имре Варгой (особенно запомнилось мне, по журнальной репродукции, скульптурное изображение поэта-мученика, узника гитлеровских концлагерей Миклоша Радноти, которого я переводил на чувашский язык).

Будапештские друзья в первые же дни повезли меня осмотреть памятник Раулю Валленбергу, сооруженный в мае 1987 года по проекту Варги. Потом я часто сиживал в маленьком скверике, где стоит бронзовый Валленберг, и весь последующий месяц, не определив еще жанра, писал захватившую меня вещь, — даже во время длительных, утомительных путешествий по стране.

Первоначальным заглавием сочиняемого было — "Рука Валленберга", — странно-загадочный, остановленно-"движущийся" жест этой руки неотвязно вторгался в мои черновики. Спустя год я стал подбирать эпиграф к завершенной маленькой поэме, обратился

для этого к религиозной литературе: как, теологически, определяется *Рука* — “орган и знак действия, выражения, связи”. Градации ее определения оказались обширными: от “власти” и “обладания” — до “отпускания” и “утешения”, все это, — как мне все более вспоминалось, — было в замечательном творении Варги.

“Сын Десницы” — “тайно”, лишь про себя, называл я великого шведа (есть и такое определение избранников Господа, именуемого также “Мужем Десницы”), но название поэмы и эпиграф я выбрал — более соответствующие безмолвной, сдержанной жертвенности Рауля Валленберга.

В заключение хочу отметить, что слова *Хайя* и *Аум* взяты из рефренов еврейских колыбельных песен.

|январь 1991|

Donec eris felix, multos
numerabis amicos:
tempora si tuerint nubila,
solus eris.

(Когда хорошая погода —
у тебя много друзей:
когда собираются тучи —
ты одинок.)

Надпись на постаменте памятника
Валленбергу в Будапеште

I.

это
нет никого... — на поверку: давно
завершившийся
общий
единый
последний отъезд —

как остановленный мир —

(и осталась — оставшемуся
долгая
смятая влажность
— где-то на шее на лацканах на рукавах —
долгого
старения множества глаз) —

это
дрожью застывший (как призрак ничтожный
вечности некой)
рот чернозубый
простого терновника —

от одинокой — все той же — руки
отдаляющийся:

на расстоянии том же —

(рядом
здесь
в переулке) —

это город боярышников — август
Восемьдесят Восьмого — и ясным
                его средоточием
единственная всечеловеческая

рука — это очень давно
простая уже Простота
вечности-нищенски-простенькой: как
истоптанные туфельки
в Стро-е-ниях Вечных
для
Печей и Волос... —

2.

город шиповников... — не отдыхает
лишь эта
рука: воплотилась
в Утешение вечное
давно утешенных: осталась — о: без
кого и чего — Утешающая
самая
одинокая в мире
рука —

“вот” — остановилась — “вот
дверь”
(больше сказать — означало бы
сдвинуть
Бога того же: чтоб
более — быть
влажной-костлявостью-хрупкостью
в большей Покинутости): “вот
(просто вагонная)
дверь” — и *отнятие*
медленно-вечное
простое — руки:

Мир
Без Никого —

:

(только дрожание слабое:

Х а - а й - й я...) —

3.
и будто извечное
как воздух как свет —

это мерцанье:

все та же
рука... —

давно
с *Небом Бессловесия* давно попрощавшись
нескончаемо опускается в ров
страшную бла-гос-лов-ляет
Землю — к а к К л а д о в у ю (о сколько об этом
знаю
будто Вселенною-Сном) —

влажная
от пара незримого крови —

(рядом — приподымаются
в поте
холмы — шевелящиеся
из дальних долин — и клочками-тряпья-
только-ветру-молившиеся

спины... — давно не шелохнутся
молчат как рука — и уже никогда
не дрогнет
рука) —

— ушли поезда:

о: *Х а й - й я*... —

А - а - у м... —

и Время
призрачно-падальное — стало
минутою
(о наконец) провожания
давно —

Давно-Бесконечной... —

:

(. . . поют . . .)

4.
это
Единственный Уровень:
Выше — разбрелись говоря-допевая
Ниже
Договаривают Руке (и кричат) — вот такая
Троица
в зное палящем —

(ибо
Посредине — Рука) —

в городе боярышников (всегда разверзались
в тех
переулках-и-криках
о
черными ртами) —

и — снова
вторгается жалкое
детское *пляско-подобие*
без никого:

Х а - а й - й я —

(нет даже призрака воздуха) —

о: *А у м...* —

5.

— Вдруг ударяет в лицо: а была же
другая рука
белая — на красных перилах балкона
рядом с азалиями —

(вздрогнула вдруг и исчезла
и мир
стал — сверлящею точкой во лбу:

о: это
первое *средоточие страха*... —

— *а ведь не было крикнуто "мама"*)... —

6.

миром
стало молчанье руки — и продрогшая
треснувшая
не оставляя
давно отпустила (такая
прощается — *лишь для себя*
никогда не прощаясь)

как остановившийся Бог
(больше
иного не будет — иного
кроме
(Его Остановки) —

вот
это место
руки… — и над нею
Гу-бы Гля-дя-щие:

так — словно в легком полете
смотрят чуть вздрагивая
лишь — на детей… —

(и
как смешалась
потом
с этой навязчивой детскостью
смя-та-я немощь све-че-ни-я
бедненько-свято-вокруг-становящихся
кем-то оплаканных
тел — ведь действительно: как *матерьялов*
да только
в с е ж е — Господних… —

7.
и приснившееся Времяподобие
восходящее (Куда-Восходящее)
давно — без движения: стало последней
бескрайне-единой
минутой Спасания (*лязг*):

...будто — весь в пальцах... — с иглою
Господи! — шубертовской... — *лязг*):

Лицо переходит
Темнея
в продолжение
Двери Последней:

(о сколько же было: *поля* и *долины*
сплошь
из *черных*
дверей)... —

:

о: *Хайя*... —

8.

быть может
я — Сон без Себя
где пели смеялись и плакали
сразу же стали нигде а поют
только рука не прощается
с Уровнем
своим над Землею: ушли и уйдут
и только она остается: сквозь ветки
глядят
облака
(о — грязнозубые) —

— ушли поезда — лишь гармоника
одна на всю Землю
поет
в мире
рваным кустом продолжая боярышниковым
дождь и свое одиночество:

Х а - а й - й я...

|август 1988|
Будапешт

от составителей

При составлении настоящего собрания сочинений были использованы следующие издания Геннадия Айги:

Отмеченная зима. Париж: Синтаксис, 1982.
Здесь. М.: Современник, 1991.
Теперь всегда снега. М.: Советский писатель, 1992.
Поэзия-как-Молчание. М.: Гилея, 1994.
Ветер по травам. Чебоксары: Ассоциация содействия вузам, 1997.
Тетрадь Вероники. М.: Гилея, 1997
Поклон — пению. М.: Клуб «Проект ОГИ», 2001.
Продолжение отъезда. М.: Клуб «Проект ОГИ», 2001.
Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус-Пресс, 2001.
Поля-двойники. М.: ОГИ, 2006.

содержание

айги: отъезд ольга седакова 9

все дальше в снега (1986–1989)

горя́ — во времени жатвы 23

одиноко — в ветр 25

в спокойствии августа 29

другая дорога в поле 30

маки этого года 32

отдаляющиеся леса: вариация 33

снега-засматриваясь 34

леса — вспять 35

сон-распад 37

выходя из оврага 38

и: место — давнего знака 39

в ветр — не называя 41

листки — в ветер праздника
(к столетию велимира хлебникова) 43

снова: появление синицы 46

поле весной 47
вечер 48
песенка для друга 49
сон: формы арпа 50
продолжение-гул 51
вдруг — от флоксов 52
деревня 56
все дальше в снега 58
придорожная песенка 62
снова: воздух в вершинах — берез 63
две песенки для нас с тобой 64
теперь и такая 65
ужин: дом за городом 66
к разговору на расстоянии 68
дом — в роще мира 69
круг 71
стихи об отсутствии 74
в ожидании друга 76

продолжение отъезда (1991–2003)

долго: в шорохи-и-шуршания 79
давнее рисование 82
флоксы ночью в берлине 83
три семистишия 84
два эпилога 86
сад — грусть 87
ловля лета 88

отклик на книгу друга 89
во время болезни друга 90
поля этого лета 91
из строк во сне 93
день — к вечеру 94
начиная с поля 95
давнее 96
посреди поля 97
снова: дорогое немногое 98
народ что храм 99
к "книге долгого прощания" 100
завершение поля 101
все то же прощание 102
страница 104
внезапное воспоминание 105
без названия 106
поле — без нас 107
снова — в снега 108

ПОСЛЕДНИЙ ОТЪЕЗД 111

от составителей 129

геннадий айги

собрание сочинений

в семи томах

том седьмой

продолжение отъезда

Составление Галины Айги
и Александра Макарова-Кроткова

Набор и вёрстка Сергея Введенского
Редактор Александр Макаров-Кротков
Корректор Елена Салтыкова

Книгоиздательство
и магазин "Гилея"
Москва, Нахимовский просп., 51/21
(в помещении ИНИОН РАН)
тел. 8-499-7246167
http://gileia.org
e-mail: info@gileia.org

Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46
Заказ № 568
Тираж 750 экз.